

УДК 323

**ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ГЕНЕЗИС
КЛАССИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЙ МОДЕРНА****THE GREAT FRENCH REVOLUTION AND GENESIS
CLASSICAL IDEOLOGIES OF MODERNITY****А.А. Трунов****A.A. Trunov**

Белгородский университет кооперации экономики и права,
Россия, 308023, Белгород, ул. Садовая, 116а

Belgorod University of Cooperation of Economics and Law,
116a Sadovaya St., Belgorod, 308023, Russia

E-mail: trunovv2013@yandex.ru

Аннотация

В статье рассмотрена проблема влияния Великой французской революции на генезис классических идеологий Модерна. Абстрагируясь от конкретного эмпирического материала, автор сосредоточил своё внимание на смысловых контекстах противоборства и сотрудничества «большой тройки» идеологий: консерватизма, либерализма и социализма. Положительной стороной фундаментального идеологического конфликта, который прослеживается на всём протяжении «долгого девятнадцатого века» (1789–1914 гг.) стало артикулирование новых базовых смыслов, которые легли в основу своеобразной «секулярной эсхатологии». Именно она пробудила к жизни мощную социальную энергию, которая была востребована в экономике, политике, науке и сфере духовного производства, тем самым сделав необратимыми многие перемены, которые произошли в обществе Модерна в рассматриваемый период.

Abstract

The article considers the problem of the influence of the Great French Revolution on the genesis of the classical ideologies of the Modernity. Abstracting from concrete empirical material, the author concentrated his attention on the semantic contexts of confrontation and cooperation of the "big three" ideologies: conservatism, liberalism and socialism. The positive side of the fundamental ideological conflict that can be traced throughout the "long nineteenth century" (1789–1914) was the articulation of new basic meanings that formed the basis for a kind of "secular eschatology." It was she who awakened to life a powerful social energy that was in demand in the economy, politics, science and the sphere of spiritual production, thereby making irreversible the many changes that took place in the Modern society in the period under review.

Ключевые слова: И. Валлерстайн, Ф. Фюре, Старый порядок, Великая французская революция 1789–1799 гг., символическая политика, секулярная эсхатология, идеология, консерватизм, либерализм, социализм, перемены, «долгий девятнадцатый век», геокультура Модерна.

Keywords: I. Wallerstein, F. Füre, Old order, Great French Revolution of 1789–1799, symbolic politics, secular eschatology, ideology, conservatism, liberalism, socialism, change, "the long nineteenth century," the geoculture of Modernity.

Введение

Проблема генезиса и эволюции классических идеологий Модерна в современной науке по-прежнему относится к числу дискуссионных. До сравнительно недавнего времени было не очень понятно, являются ли идеологии достоянием только эпохи Модерна или же их можно обнаружить и в более ранние периоды человеческой истории. Интересное

решение данной проблемы было предложено И. Валлерстайном, изложившим историю «долгого девятнадцатого века» (1789–1914 гг.) сквозь призму вызревания и кристаллизации классических идеологий Модерна: консерватизма, либерализма и социализма [7]. До И. Валлерстайна обсуждение генезиса, эволюции и последующей экспансии конкурирующих идеологий Модерна носило весьма эклектичный характер. Теперь же, после перевода на русский язык капитального труда И. Валлерстайна в полном объёме, необходимо обсудить предложенный им подход с философских позиций, абстрагируясь от конкретного эмпирического материала и сосредоточив основное внимание на смысловых контекстах противоборства и сотрудничества «большой тройки» идеологий.

Заметим, что около сорока лет назад подобные соображения неоднократно высказывал Ф. Фюре на страницах очерка «Постижение Французской Революции» [23]. Вызванная бурные дискуссии среди историков, данная книга до сих пор, к сожалению, так и не получила своего адекватного осмысления в философской среде. Между тем полемическая заостренность этого труда Ф. Фюре как раз-то и была направлена на то, чтобы решить важнейшие теоретические и методологические проблемы, связанные с более глубоким осмыслением феномена Революции, включавшего в себя и эскизную «прорисовку» её идейного влияния на все последующие перемены, которые приобрели разноплановый и необратимый характер.

То, о чём когда-то писал Ф. Фюре, по существу, и было продолжено И. Валлерстайном, только на более обширном и репрезентативном эмпирическом материале, в основу отбора которого было положено представление о трёх конкурирующих идеологиях, сформировавшихся в контексте монопроектной геокультуры Модерна. Отсюда же проистекают и основные «сюжеты», рассмотренные И. Валлерстайном с исчерпывающей ясностью и полнотой (учреждение либерального государства, возникшие в связи с этим классовые конфликты, идейно мотивированная борьба социальных низов за свои человеческие и гражданские права, наконец, генезис и институционализация современных социальных наук).

В целом же оба рассмотренных нами подхода великолепно дополняют друг друга, а их сопоставление в контексте теоретического осмысления интересующей нас проблемы является основной целью данной статьи. С опорой на методы герменевтики, философской критики, а также принципы объективности и историзма мы сначала попытаемся продемонстрировать то, каким было влияние Великой французской революции на генезис классических идеологий Модерна, а затем – показать существенные различия «большой тройки» идеологий, осуществив их сравнительный анализ. Параллельно с этим мы также должны хотя бы вкратце рассмотреть и другие формы символической политики, связанные с легитимацией власти в период Старого порядка. Это позволит нам лучше понять специфику консерватизма, либерализма и социализма как конкурирующих метанарративов, определяющих логику поведения реальных субъектов стратегического действия в контексте публичного обсуждения оптимальных моделей общественного устройства в эпоху Модерна.

Идеологии сквозь призму символической политики Революции

В своих теоретических построениях И. Валлерстайн исходит из того, что одним из наиболее существенных импульсов к формированию идеологий Модерна послужили события Великой французской революции 1789–1799 гг., которые наглядно продемонстрировали не только крах опорных конструкций Старого порядка, но и необходимость поиска новых, более адекватных форм символической политики. В результате образовался своего рода ценностный и идейно-смысловой вакуум, который инициировал запрос на более рациональную «картину мира». Благоприятные условия для появления классических идеологий Модерна действительно «возникли именно тогда, когда обнаружился дефицит смыслов, с помощью которых только и можно было понять новую реальность» [17, с. 108] во всей её невероятной сложности и полноте.

По образному выражению Ф. Фюре, как в период Великой французской революции, так и вскоре после неё, «слово заменило власть» [23, с. 56]. И эта оценка не является преувеличенной. Уникальность исторического момента во многом характеризовалась именно тем, что благодаря Революции 1789–1799 гг. идеи перестали «циркулировать» в сравнительно узком кругу светских или церковных интеллектуалов. Напротив, «они приобрели широкое распространение и начали оказывать серьёзное воздействие на развитие всех без исключения социальных институтов. Возникла специфическая *информационная среда*, в которой свободно циркулировали оценки и идеи. Литературная богема дискутировала в кафе, а политическая элита для тех же целей собиралась в аристократических салонах или посещала заседания масонских лож. Обсуждение обычно начиналось с капризов моды, новинок литературы, театра или живописи, эксцентричных поступков нуворисшей, а завершалось *политикой*» [17, с. 108–109].

Значимым фактором общественной жизни также стали многие необратимые перемены. Они не только сформировали актуальную для того времени «повестку дня», но и заставили людей, которые занимались производством и распространением политических смыслов, публично сформулировать своё отношение к происходящим в обществе изменениям. Тогда же встал вопрос и о субъекте стратегического действия, способном эти перемены возглавить и осуществить на благо всего общества, а не каких-либо отдельных его сегментов. Ситуация осложнялась тем, что произошёл грандиозный раскол на «своих» и «чужих», «друзей» и «врагов», что отнюдь не способствовало установлению всеобщего согласия или гражданского мира. В результате появились соперничающие социальные группы, состоящие из индивидов, не только «включённых» в легитимный политический процесс, но и «исключённых» из него. Лидеры этих групп, ведущих борьбу за реализацию своих долгосрочных социальных стратегий, указывали обществу на то, «что делать с переменами и кто же именно должен их возглавить» [8, с. 149].

Следствием всего перечисленного и стало возникновение феномена *идеологий* (от греч. *ιδεολογία*, от др.-греч. *ιδεα* – вид, форма, прообраз, идея; и *λογος* – слово, разум, учение, смысл), то есть метанарративов субъектов стратегического действия, под которыми мы, отталкиваясь от лаконичной характеристики И. Валлерстайна [7, с. 3], понимаем «конкурирующие системы регулятивных и проектных идей об устройстве должной модели общества» [22, с. 68]. Похожую точку зрения на сущность идеологий как феномен публичной политики эпохи Модерна высказывает известный политолог О.Ю. Малинова. Она характеризует идеологии как «социально обусловленные способы отражения реальности, которые, в свою очередь, стремятся повлиять на политическую практику» [14, с. 56]. Философ Е.В. Смирнова предлагает рассматривать идеологии как специфическую форму духовной деятельности, которая характеризуется «выполнением своей основной функции легитимации того или иного политико-правового режима и/или программ его изменения» [19, с. 139–140]. Все приведённые нами точки зрения исходят из того, что «мышление, воплощённое в идеологии, заслуживает изучения само по себе, а не только за то, что оно что-то скрывает» [27, с. 3]. Идеологии – «это формы политической мысли, которые дают прямой доступ к пониманию формирования и характера политической теории, её богатства, разнообразия и тонкости» [27, с. 3]. Зафиксировав этот важный момент, можно продвигаться дальше.

Естественно, возникает вопрос о существовании феноменов, родственных идеологии. Не будем делать вид, что их не было вообще. Безусловно, они существовали задолго до начала эпохи буржуазных Революций. Наиболее авторитетные монархии Старого порядка опирались на определённые ритуалы и мифологию власти, представления о «священном» (или, как писал Э. Канторович, «двойном» [12]) теле короля, а также его «сверхъестественных» способностях, позволяющих «исцелять» конкретные болезни, что послужило основной идеей фундаментального труда М. Блока [5]. Немало было сломано копий и пролито чернил вокруг Божественного права королей, причём не только во Франции, но и в Англии, где сформировались различные версии мифологии «абсолютизма»

[24]. Однако все эти формы традиционной символической политики были ориентированы преимущественно на стабилизацию власти. Околовластные мифотворцы или «политтехнологи» Средневековья и Старого порядка имели весьма скептическое или резко негативное отношение к любым социально значимым переменам, способным поколебать веками существовавшие устои. При этом особое внимание уделялось своеобразной «профилактике» той специфической деструктивной деятельности, которая могла «уронить» власть или «подорвать» её авторитет.

В этой связи необходимо процитировать рассуждения Ф. Бэкона, которого можно рассматривать как превосходного эксперта по данному вопросу. В своём анализе этот мыслитель исходит из того, что предвестниками всех смут и мятежей, религиозных или гражданских войн «следует считать пасквили и крамольные речи, когда они часты и смелы, а также ложные слухи, порочащие правительство, когда они возникают часто и охотно подхватываются <...> Обсуждения, отговорки и придирки к распоряжениям властей – всё это уже попытки стряхнуть ярмо и упражнения в неподчинении, особенно если при этом сторонники приказа высказываются робко и нерешительно, а противники его – с дерзостью» [6, с. 380, 381]. «И пусть монархи и правители пред лицом недовольства не утешаются тем, что так-де бывало уже не раз и, однако же, никакой беды не случилось; ибо хотя и верно, что не всякая туча приносит грозу, но верно и то, что гроза, много раз пройдя стороной, наконец, разражается» [6, с. 380, 382]. К сожалению, очень многие представители власти и загнивающей элиты в преддверии исторических катаклизмов не только страдают своеобразным «синдромом» политической неадекватности, но и проявляют удивительную «близорукость», не позволяющую им отличить «друзей» от «врагов». Поэтому чаще всего для них катастрофы наступают «внезапно», «на ровном месте» или же как следствие воздействия чьей-то непреодолимой воли.

Ф. Бэкон даёт правителям универсальный совет, который актуален практически в любую эпоху: «искусно и ловко тешить народ надеждами, вести людей от одной надежды к другой есть одно из лучших противоядий против недовольства. Поистине, мудро то правительство, которое умеет убаюкивать людей надеждами, когда оно не может удовлетворить их нужды, и ведёт дело таким образом, чтобы любое зло смягчено было надеждой» [6, с. 384]. На практике же в эпоху Старого порядка осуществлялась намеренная «консервация» застывших форм символической политики, которая на протяжении долгого времени воспроизводила одни и те же ритуалы, церемонии, репрезентативные практики и базовые мифологемы, направленные на то, чтобы «искусно и ловко тешить народ надеждами», «убаюкивать людей» и т.п.

Даже радикально отличавшиеся друг от друга английские революции XVII в. практически ничего не изменили в этом довольно сомнительном «искусстве». Первая из них, получившая название Великого мятежа 1640–1660 гг., закончилась Реставрацией. «В некоторых отношениях Реставрация была едва ли не возвращением status quo ante 1641 г.; в других же она означала реальное укрепление традиционного порядка и вековых основ государства, церкви и социальной иерархии и одновременно устранение любой радикальной угрозы» [26, с. 193]. Вторая, традиционно именуемая Славной революцией 1688–1689 гг., была ознаменована «Актом, декларирующем права и свободы подданного и устанавливающим наследование короны» [21, с. 236–250], подчёркивавшим приверженность «истинным, старинным и несомненным правам и свободам народа этого королевства» [21, с. 220, 225, 244], подразумевавшую полную «легитимность» произошедших перемен, что являлось неподражаемым «шедевром» политического лукавства.

Коварные представители англо-голландско-еврейской олигархии, «на паях» совершившие интервенцию, государственный переворот, вынудившие законного монарха бежать за границу и довольно скоро создавшие могущественную Великобританию, имевшую двойной контур власти и управления, так и не решились открыто заявить о том, что спроектировали что-то принципиально новое, эффективное и совершенно не тождественное традиционным монархиям Старого порядка. И это объяснение они всячески поддер-

живали и транслировали, создавая тем самым иллюзию абсолютной легитимности и преемственности власти за счёт манифестирования своей приверженности вековым традициям «доброй старой Англии» и упорному нежеланию что-либо менять в политической сфере. Не обходилось и без грандиозных исторических фальсификаций, в чём особенно преуспели так называемые «виги», но это – тема отдельной статьи.

Американские «отцы-основатели» в конце XVIII в. воспользовались не только «оружием критики», но и «критикой оружием», встав под идейные знамёна Славной революции, и направили её главные лозунги (например, тезис о законном праве народа на вооруженное восстание) против своей бывшей метрополии. При этом следует иметь в виду, что «американские публицисты были люди здравомыслящие. В их текстах мог отражаться гнев, презрение, возмущение; но ими редко двигала ненависть или панический страх. В отличие от своих английских собратьев они старались переубедить, а не уничтожить своих противников». Однако никто из них даже не ставил под сомнение справедливости сложившихся к тому времени социальных отношений и не посягал на полное ниспровержение авторитетов: главной целью Революции «было не свержение или даже исправление существующего общественного порядка, но защита и утверждение политических свобод» [3, с. 26]. Вследствие этого Американская революция, добившись своих достаточно скромных национально-освободительных и политических целей [13, с. 189–208], практически остановилась в развитии, что отнюдь не исключало оформления грандиозной национальной мифологии, основанной на «возвеличивании» Революции как учреждающего события.

Иное дело – Великая французская революция, которая сначала «повторила» опыт своих предшественниц, а потом «двинулась» гораздо дальше, практически без «оглядки» на застывшие формы, отношения и иерархии. Начиная с А. де Токвиля, исследователи ведут неоконченный спор о преемственности между Старым порядком и Революцией [20]. Конечно, в чём-то такая преемственность действительно существовала, но только не в сфере символической политики. Суверен как центральная фигура, репрезентировавшая верховную власть, был унижен, низвергнут и обезглавлен. Всё, что ассоциировалось с сакральным характером королевской власти, было подвергнуто яростному публичному глумлению. Из памяти людей были самым безжалостным образом «вытравлены» сакральные символы монархии, а параллельно с этим – морально дискредитированы и физически уничтожены те люди, которые могли или хотели «держаться» за старое. На опустевший трон был возведён «народ» («третье сословие»), который начал создавать собственную мифологию, основанную на самосакрализации и бесконечной борьбе с явными или мнимыми «врагами». Эта борьба нередко принимала зловещий оттенок социальной паранойи, особенно в тех случаях, когда Революция стала в буквальном смысле «пожирать» своих детей, запустив чудовищный маховик Террора.

Заметим, что параллельно с этим на протяжении всего периода Революции происходили поистине судьбоносные перемены, отнюдь не сводимые к Террору. Ведь Революция – это не только убийства, грабежи или массовые казни. «Только там, где присутствует пафос новизны и где новизна сочетается с идеей свободы, мы имеем право говорить о революции» [1, с. 39]. В основе настоящей (а не «цветной»!) Революции лежит социально-политическая конфронтация по поводу замены «системообразующих принципов организации общества, преодолевающая существующую легитимность и открывающая возможности для социального творчества» [25, с. 710–711]. В этом, на наш взгляд, и заключается сущность Революции, а также её невероятная привлекательность для идеалистов и мечтателей всех времён. Поэтому совершенно прав профессор А.В. Шубин, который характеризует Революцию как «социально-политический переворот, ломающий старую политико-правовую оболочку, меняющий принципы социальной организации. Он может осуществляться разными методами. Революция теоретически может быть совершена и без кровопролития». Однако классические буржуазные революции XVII–XVIII вв. [13, с. 157–250] ещё не имели такой «прививки» от насилия: «будущее виделось как романтическая борьба

на баррикадах, движение революционных колон, дым сражений, а затем результат – свободное общение свободных людей» [25, с. 711].

Именно отсюда проистекает не только привычное «кулуарное» решение проблем, которое координировалось на уровне масонских лож или других структур закрытого типа, но и реальное воздействие политиков на очень сильно «разогретые» и идейно мотивированные массы. Постоянная апелляция к «разбуженным» Великим страхом и беспрецедентным энтузиазмом крестьянству и городскому плебсу, которые вполне осознанно вовлекались в стремительный «водоворот» революционных событий, порождали новые формы политической риторики и символической политики. Те же, кто оказывались «безъязыкими», то есть не могли найти убедительные аргументы и одержать победу в острой публичной полемике, с очень большой вероятностью могли довольно близко познакомиться с сомнительными достоинствами «мадам Гильотины», а значит практически мгновенно уйти в небытие. Отсюда – неизбежность эскалации базового социального конфликта и вовлечения в политику всё более радикальных кругов, выдвигавших новые требования. Такой была логика революционного движения.

В целом же влияние идей на сознание и поведение людей в ту драматичную эпоху было невероятно велико. По мнению Ф. Фюре, термин «идеология» составляет «истинную основу революционного сознания» [23, с. 34]. Идеология является «полем битвы за власть, орудием размежевания политических групп, средством интеграции масс в новое государство» [23, с. 77]. И это происходит в силу воздействия следующих обстоятельств: во-первых, потому что «все индивидуальные проблемы, все интеллектуальные и моральные вопросы становятся политическими»; во-вторых, из-за того, что судьбоносные перемены приобретают проектно-конструируемый характер («в той мере, насколько всё познаваемо и предсказуемо, способ действий для знания и морали ясен», «все социальные изменения объясняются известными, изученными и действующими силами»). Отсюда же – очень ценная мысль Ф. Фюре о том, что «коль скоро политика стала областью истинного и ложного, добра и зла, если именно она разделяет людей на праведников и злодеев, значит, мы живём в историческом пространстве, обладающем совершенно новой динамикой» [23, с. 34]. Здесь Ф. Фюре очевидным образом отождествляет феномен «политического» с «секулярной эсхатологией», обозначающей не только утопическую мечту многих поколений людей о возможности построения хилиастического «рая на земле», но и квазирелигиозную веру большинства идеологов Революции в спасительную миссию происходящих перемен, отнюдь не сводимых к разрушению Старого порядка или насильственному перераспределению собственности и власти.

Сравнительный анализ классических идеологий Модерна

Если следовать И. Валлерстайну [7, с. 1–22], то именно в контексте реализации общего политического проекта Модерна постепенно сформировались три классических идеологии, в рамках которых перемены рассматривались как неоспоримый факт.

Исторически первой классической идеологией Модерна стал *консерватизм*, представлявший собой негативную реакцию на события Великой французской революции, которая не только пошатнула троны и алтари, но и поставила вопрос о том, кто является основным субъектом стратегического действия [4, 16]. Консерваторы исходили из того, что перемены идут слишком быстро и весьма нежелательным для них образом. Поэтому этот процесс необходимо «подморозить» или «законсервировать». И лучше всего сделать так, чтобы изменения не затрагивали привилегированного положения правящего класса, уже не вполне аристократического, но ещё и не вполне буржуазного. Решение сугубо практической проблемы удержания престижных социальных позиций увязывалась консерваторами с сохранением многих религиозных и культурных традиций, на которых строилась повседневная жизнь «простого» народа. Однако нас эта постоянная апелляция к прошлому и традиции не должна сбивать с толку. По образному выражению Х. Арндт, консерва-

торы цепко держались «за традицию и прошлое как за фетиши, с помощью которых можно заклинать будущее» [1, с. 223].

Понимая неизбежность и даже желательность перемен, не угрожающих их власти и влиянию, консерваторы обычно ссылались на опыт воспеваемой ими Славной революции 1688–1689 гг., противопоставляя её бескровный характер кровавым эксцессам якобинского Террора, которые в глазах до смерти перепуганных обывателей стали своего рода сущностными характеристиками Великой французской революции. Террор действительно «был составной частью революционной идеологии как основы действия и политики той эпохи. Он далеко превысил значение "обстоятельств", которые во многом сам же и породил» [23, с. 71] Собственно, Революция, по мнению некоторых наиболее авторитетных консерваторов, «зашла» слишком далеко именно потому, что развивалась по сценарию эскалации базового социального конфликта и сопровождалась вовлечением в этот турбулентный процесс всё новых радикальных групп, не способных вовремя «остановиться» в предъявлении своих претензий на обладание собственностью и властью. Если бы Революция была остановлена раньше, ограничившись Декларацией прав человека и гражданина 1789 г., то она наверняка бы рассматривалась консерваторами положительно [4].

Для консерваторов быстрые перемены были нежелательны именно потому, что бросали реальный вызов существовавшим в то время элитам, уже достаточно сильно обуржуазившимся, но по-прежнему пытавшимся имитировать стилистику поведения аристократии Старого порядка, сочетая подлинное геоисторическое мировидения с элементами социального цинизма, гламурно-гедонистического паразитизма, безответственности и лишённого каких-либо моральных ограничений стяжательства. «Визитной карточкой» всех этих социальных мутаций ещё недавно столь революционно и воинственно настроенной буржуазии стал Термидор, который, безусловно, имел и свои положительные моменты (например, стабилизацию и закрепление основных итогов Революции) [2]. Консерваторы полагали, что нужно различать «полезные» и «вредные» перемены, всячески поощрять первые и любыми доступными средствами сдерживать вторые.

При этом всегда существовала реальная опасность «сползания» в реакцию, которая для многих консерваторов была столь же губительной, как и эгалитарный радикализм народных низов. Иногда консерваторы были не прочь вызвать из небытия специфический «реакционный дух», который некоторые исследователи буквально отождествляют с духом консерватизма [18]. Однако даже крайне правые консерваторы, фактически не отличимые от матёрых реакционеров, прекрасно понимали, что после Революции и наполеоновских войн полноценная Реставрация монархии невозможна, поскольку времена Старого порядка безвозвратно прошли.

Либерализм стал второй классической идеологией Модерна. Изначально либералы с крайним подозрением относились к любым попыткам «затормозить» перемены, воспринимая их как своеобразный «откат назад», чреватый восстановлением деспотизма. В своей реальной политике либералы охотно использовали помощь радикальных групп, ориентируя их на борьбу с силами консерватизма и реакции, способными реально «подморозить» ситуацию и остановить столь желаемые для них и общества перемены. Для либералов такой альянс изначально не являлся чем-то противоестественным. Однако радикалы были нужны либералам только для того, чтобы «отодвинуть» консерваторов от власти, заставить их всерьёз считаться со своими мобилизационными возможностями, среди которых далеко не последнее место занимало их идейное влияние на радикальные круги, в том числе – и через масонские ложи, которые в то время играли очень важную роль. И хотя разговоры о масонах нередко заводят нас на зачумлённую территорию «конспирологии», следует иметь в виду, что именно масоны довольно грамотно использовали открывшиеся перед ними возможности, создав эффективные структуры, способные к долгосрочному планированию и умеющие контролировать информационные и финансовые потоки, направляя их в нужное русло.

Если основной ценностью консерваторов был Порядок [11], понимаемый как стабильность, обеспеченная единством Семьи, Государства и Церкви, то для либералов такой ценностью была Свобода. Либералы исходили из того, что «общая свобода всех прав, всех интересов и мнений, свободное развитие всех влияний и законное, совместное существование их – вот единственная система, при которой всякая сила, всякая власть может быть заключена в законных пределах» [9, с. 329]. В менее возвышенном смысле эта «свобода» предполагала возможность развивать рынок «людьми дела», приумножать собственность и капитал, не связывая себя ограничениями традиции или территории. Пока консерваторы стояли на пути перемен, они естественным образом выступали в качестве главных оппонентов либералов. Когда же перемены приобрели стремительный и необратимый характер, появилась реальная «угроза слева» – социалисты, то есть те, для кого знаменитый лозунг Великой французской революции о Свободе, Равенстве и Братстве был не просто очередным упражнением в политической риторике, а реальным руководством к действию. Ведь слишком многие люди действительно поверили в возможность изменения жизни к лучшему, поэтому потребовались весьма значительные усилия, чтобы заставить их отказаться от реализации своей накалённой мечты и обратиться к повседневным житейским заботам. Поэтому либералы были всерьёз обеспокоены не только опасностью «поворота назад», но и тем, что во власть могут прийти некомпетентные или плохо образованные люди, которые казались им опаснее любых консерваторов. Радикалов можно было использовать как «пушечное мясо» или своеобразный «таран», сокрушающий обветшавшие институты и структуры Старого порядка, однако ни при каких условиях с ними нельзя было делиться реальной властью.

Либералы прекрасно осознавали значение социального реформизма и культурной гегемонии [22, с. 67–68]. Отсюда же – их ставка на продуманные и последовательные реформы, которые являются естественной «прививкой» от смут и потрясений. К подобным же мерам следует добавить «отсечение» от реального участия в политической жизни социально неблагополучных слоёв, а также пристальное внимание либералов к развитию новых наук (политической экономии, политической теории и социологии), призванных объяснить обществу не только перспективы его дальнейшего развития, но и обозначить основные векторы перемен, без которых невозможна практическая реализация идей Свободы и Прогресса. И хотя среди сторонников возникших в XIX в. социальных наук, изучавших рынок, национальное государство или гражданское общество, всегда хватало людей, имевших вполне консервативные или даже реакционные убеждения, следует иметь в виду, что развитие нового типа социального знания осуществлялось в определённых эпистемологических границах, порождавших особый тип интеллектуального дискурса. Любая критика теоретических построений либералов, которая велась в рамках этого дискурса, реально лишь укрепляла их социальные позиции, способствуя не только полноценной кристаллизации смыслов на уровне базовых идеологем [22, с. 64–65], но и приводила к оформлению определённой системы социальных и политических мифов, которые постепенно внедрялись в общественное сознание.

Из радикальных социальных групп, первоначально крайне слабо различимых на общем политическом фоне, постепенно стало формироваться довольно мощное и хорошо организованное интеллектуальное движение, которое попыталось не просто оказывать серьёзное влияние на власть, но и предложить принципиально иной образ общества, основанный не на принципах всеобщего «пожирания» (например, описанных Т. Гоббсом ужасов «естественного состояния», то есть ситуации разнузданного насилия, понимаемого как «война всех против всех» [10, с. 178–184]), а на Солидарности, Братстве, Справедливости, непреходящей ценности человека и вере в возможность развития его высших творческих способностей (*социализм* как третья классическая идеология Модерна). «Преодоление классового разделения, социально закреплённого неравенства – ключевое требование к обществу, которое претендует на название социализма» [25, с. 9]. Из тактического союзника либералов, готового решать задачи совместного политического выживания, социали-

сты постепенно превратились в их главного стратегического противника и идейного оппонента, ведущего непримиримую дискуссию по любому более или менее значительному вопросу, затрагивающему интересы широких кругов общества, которым было отказано считать себя полноценным субъектом стратегического действия.

Поворотным пунктом здесь стали события общеевропейской «весны народов» 1848–1849 гг., которые окончательно продемонстрировали немыслимую ранее возможность политического альянса и тесного сотрудничества либералов и консерваторов, которые вступили в схватку с социалистами-радикалами, попытавшимися претворить в жизнь утопические чаяния городского плебса. По целому ряду объективных причин, которые не имеет смысла обсуждать в данной статье, сторонники социалистического пути развития потерпели поражение, позитивной стороной которого стал их принципиальный отказ от иллюзий и стратегического взаимодействия с либералами, что отнюдь не исключало временных тактических союзов. К. Маркс позднее писал о том, что «наивные иллюзии и тот почти детский энтузиазм, с которым мы приветствовали перед февралём 1848 г. революционную эру, исчезли безвозвратно» [15, с. 266]. И здесь же – мысль, которая продолжает быть весьма актуальной и в наши дни: «теперь мы уже знаем, какую роль в революциях играет глупость, и как негодяи умеют её эксплуатировать» [15, с. 266].

Собственно либералы, по мнению социалистов, правильно обозначили основные приоритеты общественного развития (например, свободу, равноправие и демократию), но из-за собственной политической ангажированности, склонности к компромиссам и приверженности господству частной собственности оказались просто не в состоянии адекватным образом претворить их в жизнь. При этом позитивное содержание либеральных доктрин, связанное с ценностями классического гуманизма, пониманием конституирующей роли Свободы и Прогресса, органично вошло в ядро идеологических построений самих социалистов, но было пересмотрено и дополнено новыми идеями, связанными с теоретическим обоснованием конкретных механизмов преодоления отчуждения человека, которое уже в середине XIX в. некоторыми наиболее прозорливыми мыслителями осознавалась как реальная проблема, обусловленная бурным развитием капитализма. Социалисты полагали, что перемены идут слишком медленно и что их «плоды» распределяются в обществе крайне неравномерно. Жизнь простых трудящихся в результате изменений становится не лучше, а хуже. У многих из них отсутствуют перспективы обретения личного счастья и выхода за пределы привычного голода и нищеты.

Все разговоры либералов о Свободе, Прогрессе и общественном благе – это не более чем хитроумные «уловки», рассчитанные на прекраснотушных мечтателей или глупцов. Не отрицая важности и правильности многих идейных комплексов классического либерализма, социалисты обращали внимание на вопиющий разрыв теории с практикой и критиковали главный «изъян» идеологических построений либералов – ставку на эгоистичного индивида, обеспокоенного проблемами личного преуспевания и вследствие этого игнорирующего проблемы общества. Между тем личное благополучие индивида отнюдь не являлось гарантией общественного блага. И это становилось реальной социальной проблемой, поскольку приводило к атомизации общества на уровне масс и концентрации власти и собственности на уровне элит, установивших свой монополичный контроль на скорость протекания исторических процессов, которые к тому времени приобрели проектно-конструктивный характер.

Заключение

Подводя общий итог наших размышлений, сформулируем основные выводы данной статьи, которые имеют определённую новизну и теоретическую ценность.

1. Великая французская революция 1789–1799 гг. инициировала возникновение нового феномена символической политики, получившего обозначение «идеологий». В отличие от традиционных или предсовременных форм символической политики, характерных для Старого порядка и ориентированных преимущественно на то, чтобы «искусно и ловко тешить

народ надеждами» (например, представлений о «священном» теле короля, всевозможных ритуалов, церемоний, тех или иных модификаций мифологии власти или политической теологии) идеологии были ориентированы на перспективы общественного развития и выражали отношение к переменам со стороны реальных субъектов стратегического действия, стремившихся их «подморозить», контролировать или осуществлять в полном объёме.

2. Постепенно из числа наиболее преданных и талантливых сторонников каждой из рассмотренных нами классических идеологий Модерна (консерватизма, либерализма, социализма) сформировался творческий и идейно мотивированный актив, способный к производству и распространению политических смыслов, циркулирование которых осуществлялось в публичной сфере на более или менее постоянной основе. Пресса, живопись, театр, художественная литература становились основными средствами выражения смыслов, отражавших не только актуальное состояние политической практики, но и стратегические ориентиры общественного развития. Они также воспроизводили притязания тех субъектов стратегического действия, которые фактически претендовали на роль руководителей исторического движения в эпоху Модерна («нобилитета», национальной буржуазии или городского плебса, получившего название «пролетариата»).

3. Если консерваторы вели преимущественно арьергардные бои и рьяно «цеплялись» за прошлое, находя общественный идеал в мифологии «золотого века», то либералы вначале робко, а затем всё более настойчиво формировали основные приоритеты и стратегии общественного развития как эволюционного движения человечества к Свободе и Прогрессу. Они также весьма успешно обосновывали свои притязания на роль властителей дум, чутко уловивших «дух времени». Что же касается социалистов, то изначально они были политическими маргиналами, пытавшимися предложить обществу некую более справедливую и отвечающую интересам большинства людей модель развития. И в этом смысле именно социалисты делали всё возможное, чтобы перемены шли как можно дальше и быстрее, затрагивая всё новые и новые слои населения. По мнению их интеллектуальных и духовных вождей, Революции являлись теми учреждающими событиями, которые только и способны вывести человечество на просторы настоящей Истории, позволяющей конкретным людям преодолеть отчуждение и реализовать свою родовую сущность через творческое преобразование общества и самих себя.

4. В целом же именно противоборство и сотрудничество классических идеологий в рамках монопроектной геокультуры Модерна сделало возможными многие перемены, которые со временем приобрели необратимый характер. Положительной стороной фундаментального идеологического конфликта, который прослеживается на всём протяжении «долгого девятнадцатого века» (1789–1914 гг.) стало артикулирование новых базовых смыслов своеобразной «секулярной эсхатологии», пробудивших мощную социальную энергию, которая была использована в экономике, политике, науке и сфере духовного производства. Классические идеологии Модерна стали не только своеобразными «дорожными картами», прокладывавшими социальные маршруты в неведомое будущее, которое воспринималось как благое и счастливое, но также особыми метастратегиями и нарративами, раскрывавшими новые возможности человека на прихотливо очерченных развилках Истории.

Список литературы

References

1. Арндт Х. О революции / пер. с англ. – М.: Европа, 2011. – 464 с.
Arendt H. On Revolution / Russian trans. – Moscow: Europe, 2011. – 464 p.
2. Бачко Б. Как выйти из Террора? Термидор и революция / пер. с фр. – М.: BALTRUS, 2006. – 348 с.
Bachko B. B. How to get out of Terror? Thermidor and Revolution / Russian trans. – Moscow: BALTRUS, 2006. – 348 p.
3. Бейлин Б. Идеологические истоки Американской революции / пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2010. – 308 с.

Beilin B. Ideological origins of the American Revolution / Russian trans. – Moscow: New publishing house, 2010. – 308 p.

4. Бёрк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию / пер. с англ. – М.: Рудомино, 1993. – 142 с.

Burke E. Reflections on the Revolution in France and the Meetings of Certain Societies in London Related to this Event / Russian trans. – Moscow: Rudomino, 1993. – 142 p.

5. Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространённых преимущественно во Франции и в Англии / пер. с фр. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 712 с.

Block M. Kings-Wonderworkers: An outline of ideas about the supernatural character of royal power, prevalent mainly in France and in England / Russian trans. – Moscow: Languages of Russian culture, 1998. – 712 p.

6. Бэкон Ф. Сочинения: В 2-х т. / пер. с англ. – М.: Мысль, 1972. – Т. 2. – 582 с.

Bacon F. Compositions: In 2 vol. / Russian trans. – Moscow: Thought, 1972. – Vol. 2. – 582 p.

7. Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. IV. Триумф центристского либерализма, 1798–1914 / пер. с англ. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – 496 с.

Wallerstein I. World-system Modern. Vol. IV. The triumph of centrist liberalism, 1798-1914. / Russian trans. – Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2016. – 496 s.

8. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение / пер. с англ. – М.: Издательский дом «Территория будущего» 2006. – 248 с.

Wallerstein I. The world-wide analysis: Introduction / Russian trans. – Moscow: Publishing house "Territory of the Future" 2006. – 248 p.

9. Гизо Ф. История цивилизации в Европе / пер. с фр. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2007. – 336 с.

Guizo F. The history of civilization in Europe / Russian trans. – Moscow: Publishing house "Territory of the Future", 2007. – 336 p.

10. Гоббс Т. Левиафан / пер. с англ. – М.: РИПОЛ классик, 2016. – 672 с.

Hobbes T. Leviathan / Russian trans. – Moscow: RIPOЛ classic, 2016. – 672 p.

11. Исаев И.А. Идея порядка в консервативной ретроспективе. – М.: Проспект, 2015. – 400 с.

Isaev I.A. The idea of order in a conservative retrospective. – Moscow: Prospekt, 2015. – 400 p.

12. Канторович Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 752 с.

Kantorovich E.Kh. Two bodies of the king. Study on medieval political theology / Russian trans. – 2 ed. – Moscow: Publishing House of Gaidar Institute, 2015. – 752 p.

13. Малиа М. Локомотивы истории: Революции и становление современного мира / пер. с англ. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 405 с.

Malia M. Locomotives of History: The Revolution and the Emergence of the Modern World / Russian trans. – Moscow: Political Encyclopedia, 2015. – 405 p.

14. Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России. – М.: РАН. ИНИОН, 2013. – 421 с.

Malinova O. The construction of meanings: The study of symbolic politics in modern Russia. – Moscow: RAS. INION, 2013. – 421 p.

15. Маркс – Энгельсу в Манчестер, 13 февраля 1863 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 30. – М.: Госполитиздат, 1963. – С. 265–266.

Marx – Engels in Manchester, February 13, 1863 // Marx K., Engels F. Works. – 2 ed. – Т. 30. – Moscow: Gospolitizdat, 1963. – P. 265–266.

16. Местр Ж.М. де. Рассуждения о Франции / пер. с фр. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. – 216 с.

Mestre J.M. de. Reasonings about France / Russian trans. – Moscow: "The Russian Political Encyclopedia" (ROSSPEN), 1997. – 216 p.

17. Поддубный Н.В., Трунов А.А. Почему Идеология не стала наукой о рациональном мышлении? // Историческая психология и социология истории: Научно-теоретический журнал. – 2016. – Т. 9. – № 2. – С. 105–120.

Poddubny N.V., Trunov A.A. Why did not Ideology become a science of rational thinking? // Historical Psychology and Sociology of History: Scientific and Theoretical Journal. – 2016. – Vol. 9. – No. 2. – P. 105–120.

18. Робин К. Реакционный дух. Консерватизм от Эдмунда Бёрка до Сары Пэйлин / пер. с англ. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. – 312 с.
 Robin K. Reactionary spirit. Conservatism from Edmund Burke to Sarah Palin / Russian trans. – Moscow: Publishing House of Gaidar Institute, 2013. – 312 p.
19. Смирнова Е.В. Идеология в системе общественного сознания // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2016. – № 1(46). – С. 134–140.
 Smirnova E.V. Ideology in the system of public consciousness // The Caspian region: politics, economy, culture. – 2016. – No. 1 (46). – P. 134–140.
20. Токвиль А. Старый порядок и революция / пер. с фр. – СПб.: Алетейя, 2008. – 248 с.
 Tocqueville A. The Old Order and the Revolution / Russian trans. – St. Petersburg: Aleteya, 2008. – 248 p.
21. Томсинов В.А. «Славная революция» 1688–1689 годов в Англии и Билль о правах: Учеб. пособие. – М.: Зерцало-М, 2010. – 256 с.
 Tomsinov V.A. "Glorious Revolution" in 1688-1689 in England and the Bill of Rights. – Moscow: Publishing Zertsalo-M, 2010. – 256 p.
22. Трунов А.А. Как идеи модерна становятся идеологией? // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Серия: Философия. Социология. Право. – 2017. – № 3 (252). Вып. 39. – С. 62–70.
 Trunov A.A. How ideas of Modernity have become ideology? // Scientific bulletins of the Belgorod State University. – Series: Philosophy. Sociology. Right. – 2017. – No. 3 (252). Issue. 39. – P. 62–70.
23. Фюре Ф. Постижение Французской Революции / пер. с фр. – СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. – 224 с.
 Füre F. Comprehension of the French Revolution / Russian trans. – St. Petersburg: INAPRESS, 1998. – 224 p.
24. Хеншелл Н. Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени / пер. с англ. – СПб.: Алетейя, 2003. – 272 с.
 Henshell N. Myth of absolutism. Changes and continuity in the development of the Western European monarchy of the early modern era / Russian trans. – St. Petersburg: Aleteya, 2003. – 272 p.
25. Шубин А.В. Социализм. «Золотой век» теории. – М.: Новое лит. обозрение, 2007. – 744 с.
 Shubin A.V. Socialism. "The Golden Age" of the theory. – Moscow: New literary review, 2007. – 744 p.
26. Эйлмер Дж. Восстание или революция? Англия 1640–1660 гг. / пер. с англ. – СПб.: Алетейя, 2004. – 264 с.
 Aylmer J. Revolt or revolution? England 1640–1660 years / Russian trans. – St. Petersburg: Aleteya, 2004. – 264 p.
27. Freedен M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. – Oxford: Clarendon Press, 1996. – 603 p.
 Freedен M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. – Oxford: Clarendon Press, 1996. – 603 p.